

Глава 7

Регентство Софьи

Софье было двадцать пять лет, когда она стала правительницей, и всего тридцать два, когда ее лишили этого титула и власти. На портрете мы видим кареглазую девушку, круглолицую, розовощекую, с пепельными волосами, удлиненным подбородком и губами, рисунок которых напоминает лук Купидона. Она полновата, но не лишена привлекательности. Ее голову венчает маленькая корона с крестом на шаре, на плечах у нее красная мантия, отороченная горностаем. Никто никогда не оспаривал верности этого портрета оригиналу; на него обычно ссылаются и западные, и советские ученые, давая описание внешности Софьи. Однако портрет лжет. Так можно изобразить любую более-менее хорошенькую молодую женщину; здесь нет ни намека на ту бешеную энергию и решимость, которые позволили Софье направить в нужное русло стихию стрелецкого бунта, а затем семь лет править Россией.

Совсем иную, совершенно гротескную оценку ее наружности предложил французский дипломат по имени де ла Невилль, которого в 1689 году направил в Москву маркиз де Бетюн, посол Франции в Польше. В одном из самых негалантных описаний дамской внешности, когда-либо составленных мужчиной, а тем более французом, о Софье говорится следующее: «Ее ум и способности никоим образом не сочетаются с уродливостью ее особы, ибо она безмерно толста, голова у нее как котел, на лице растут волосы, ноги распухшие, и ей по крайней мере лет сорок. Но насколько квадратна, приземиста и топорна ее фигура, настолько же ум ее пронизателен, тонок, свободен от предрассудков и исполнен гибкости. И хотя она никогда не читала Макиавелли и вообще о нем не слыхивала, все его принципы сами собой приходят ей в голову».

Однако, будь Софья на самом деле так отвратительна, об этом обязательно упоминали бы другие очевидцы. К тому же Невилль побывал в Москве в конце Софьиного правления, когда целью ее политики был союз России с врагом Франции, Австрией, в войне против тайного друга Франции, Османской империи. Он серьезно ошибся и в Софьином возрасте, прибавив ей восемь лет, но возможно, что все это преднамеренное оскорбление. И уж по крайней мере один пункт его омерзительного реестра полностью порожден воображением, ведь де Невилль наверняка никогда не созерцал ног Софьи. Тем не менее, каковы бы ни были его мотивы, этот француз своего добился. Его описание будет искажать образ Софьи до тех пор, пока люди будут ею интересоваться.

* * *

Сделавшись регентшей в 1682 году, Софья быстро раздала все государственные должности своим сторонникам. Ее дядя, Иван Милославский, оставался главным советником правительницы до самой своей смерти. Федор Шакловитый, новый стрелецкий командующий, сумевший завоевать уважение неугомонных солдат и восстановивший жесткую дисциплину в московских полках, также поддерживал Софью. Он происходил из украинских крестьян и едва владел грамотой, зато был беззаветно предан правительнице и рьяно добивался исполнения любого ее приказа. Со временем он еще больше приблизился к Софье и в конце концов возвысился до положения думного дьяка Боярской думы, члены которой его люто ненавидели за худородство. Чтобы уравновесить влияние Шакловитого, Софья советовалась также с молодым монахом Сильвестром Медведевым, которого знала еще со времен своего теремного девичества. Верный последователь Софьиного наставника, Симеона Полоцкого, Медведев считался самым ученым богословом России.

Милославский, Шакловитый и Медведев имели большой вес, но крупнейшей фигурой регентства Софьи – ее советником, первым министром, мощной правой рукой, утешителем и, наконец, возлюбленным, был князь Василий Васильевич Голицын. Отпрыск одного из древнейших родов России, Голицын по своим вкусам и взглядам был еще большим

западником и приверженцем нововведений, чем Артамон Матвеев. Опытный государственный деятель и воин, утонченный ценитель искусств, в политике – мечтатель, не сковывавший себя национальными рамками, Голицын был, пожалуй, самым просвещенным человеком из всех, кого к тому времени породила Россия. Он появился на свет в 1643 году и получил образование, далеко превосходившее то, что было принято у русской знати. Мальчиком он изучал богословие и историю, учился говорить и писать по-латыни, по-гречески и по-польски.

В Москве, в большом каменном дворце, крытом тяжелыми медными листами, Голицын жил как западный вельможа. Иноземных посетителей, ожидавших увидеть обычную незатейливую московскую обстановку, поражало великолепие убранства: резные потолки, мраморная скульптура, хрусталь, драгоценные камни и серебряная посуда, цветное стекло, музыкальные инструменты, математические и астрономические приборы, стулья с позолотой и столы черного дерева, инкрустированные слоновой костью. По стенам висели гобелены, высокие венецианские зеркала, немецкие географические карты в золоченых рамах. Гордостью дома была библиотека – собрание латинских, польских и немецких книг и галерея портретов всех русских царей и многих правящих монархов Западной Европы.

Голицын с удовольствием проводил время в обществе иностранцев. Он постоянно бывал в Немецкой слободе, где нередко обедал с генералом Патриком Гордоном, шотландцем на русской службе, выступавшим в роли советника и сподвижника Голицына в его усилиях реформировать армию. Голицынский особняк в Москве стал местом, где собирались иноземные путешественники, дипломаты и купцы. Даже иезуитов, которых русские в своем большинстве боялись как огня, ждал здесь дружественный прием. Один французский путешественник был изумлен тактичностью, с которой Голицын, вместо того чтобы, по обычаю всех московских хозяев, начать уговаривать его выпить «входную» чарку водки, мягко посоветовал ему этого не делать, так как обычно напиток не доставлял удовольствия иностранцам. Во время непринужденных послеобеденных бесед на латыни здесь обсуждали и достоинства нового огнестрельного оружия, и снарядов, и европейскую политику.

Голицын пылко восхищался Францией и Людовиком XIV и даже настаивал, чтобы его сын постоянно носил на груди миниатюрный портрет Короля-Солнце. Французскому дипломату де Невиллю он поверял свои надежды и мечты. Он говорил о дальнейшем реформировании армии, о создании торговых путей через Сибирь, об установлении постоянных отношений с Западом, о необходимости посылать молодых русских учиться в европейские города, о стабилизации денег, провозглашении свободы вероисповедания и даже об освобождении крепостных. Голицын в мыслях уносился еще дальше: он хотел «населить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов в храбрецов, пастушечьи шалаши – в каменные палаты».

Софья познакомилась с этим необыкновенным человеком, когда ей было двадцать четыре года, в самом разгаре своего бунта против теремной жизни. Голицыну уже исполнилось тридцать девять, у него были голубые глаза, небольшие усы, аккуратная бородка, как на портретах Ван Дейка, на плечах – элегантная, подбитая мехом накидка. Среди толпы обыкновенных московских бояр в тяжелых кафтанах, с косматыми бородами, он казался эдаким франтоватым графом – прямо из Англии. Неудивительно, что Софья, с ее умом, любовью к наукам, с ее честолюбием, увидела в Голицыне воплощенный идеал и не могла остаться равнодушной.

У Голицына была жена и взрослые дети, но это не имело значения. Энергичная и страстная, Софья ринулась в жизнь очертя голову, отбросив в сторону осторожность ради достижения власти. И ради любви она была способна сделать то же самое, тем более что можно ведь совместить то и другое. Она разделит с Голицыном власть и любовь, и они станут править вместе: он, с его кругозором и дальновидностью, будет предлагать идеи и

политические шаги, а она, используя свою власть, обеспечит их осуществление³⁹. После провозглашения Софьи правительницей она поставила Голицына во главе Посольского приказа. Спустя два года она удостоила его редкого отличия – титула «Царственный Большой печати и государственных великих посольских дел сберегателя», говоря современным языком, он исполнял при ней роль премьер-министра.

В первые годы регентства Софье приходилось играть непростую роль. За закрытыми дверями она правила государством, но на людях старалась не привлекать лишнего внимания к своей особе и своим действиям, скрываясь за спинами официальных фигур – двоих юных царей и Голицына, главы правительства. Народ ее видел редко. Она упоминалась в государственных документах лишь как «благочестивая царица и великая княжна». Но если она все же выходила к народу, то всегда отдельно от братьев, и вела себя так, чтобы казаться по меньшей мере равной им. Примером может служить прощальный прием шведского посольства, увозившего домой из Москвы ратифицированный мирный договор между Россией и Швецией. Утром послов пригласили присутствовать на официальной церемонии, во время которой оба царя поклялись на Евангелии соблюдать верность условиям договора. Послы подъехали в царских каретах, их встретил князь Голицын и провел между двумя рядами стрельцов в красных кафтанах вверх по Красной лестнице в Столовую палату, где на своем двойном троне восседали Петр с Иваном. По скамьям вдоль стен сидели думные чины. Цари обменялись приветствиями с послами, и обе стороны поклялись хранить мир. Затем Петр и Иван встали, сняли с голов короны, подошли к столу, где лежало Святое Евангелие и сам договор, и там, призвав Бога в свидетели, поклялись, что Россия никогда не нарушит договора и не нападет на Швецию. Цари поцеловали Евангелие, и Голицын вручил документ послам.

Официальная часть церемонии на этом закончилась. Прощальная аудиенция для послов состоялась позже в тот же день. Снова послов провели вдоль стрелецкого строя, снова ослепительно сверкали их секиры. При входе в Золотую палату два стольника объявили, что великая государыня царица, великая княжна Софья Алексеевна, Ее царское высочество Всея Великия, и Малыя, и Белья Руси, готова принять их. Послы поклонились и вошли в зал. Софья восседала на Алмазном троне, подаренном ее отцу персидским шахом. Ее платье из серебряной парчи было расшито золотом, оторочено соболями, украшено тонким кружевом. Голову царицы венчала жемчужная корона. Ее свита – боярские жены и две карлицы – размещалась поблизости. Перед троном стояли Василий Голицын и Иван Милославский. Когда послы поздоровались с ней, Софья поманила их подойти поближе и несколько минут с ними говорила. Они поцеловали руку царицы, она отпустила их, а позже, по обычаю русских самодержцев, послала им обед со своего стола.

При регентстве Софьи Голицын гордился тем, что сумел наладить правление, «основанное на справедливости и всеобщем согласии». Московские жители казались довольными, по праздникам толпы народа гуляли в общественных садах и по берегам реки. Среди знати стало ощущаться сильное польское влияние; спросом пользовались польские перчатки, меховые шапки и мыло. Русские увлеклись выяснением своих родословных и составлением фамильных гербов. Сама Софья продолжала интеллектуальные занятия, сочиняя по-русски стихи и даже пьесы. Некоторые из них ставили в Кремле.

Не только манеры москвичей, но и внешний облик города начал меняться. Голицын интересовался архитектурой, а опустошительные московские пожары расчистили достаточно места, чтобы осуществить любые проекты. Осенью 1688 года казна оказалась временно не в состоянии выплатить жалованье иностранным офицерам, потому что все до последнего рубля ушло на займы погорельцам, отстраивавшим свои дома. Голицын призывал москвичей

³⁹ Мнение о сердечной близости Софьи и Голицына принадлежит к числу гипотез, которую поддерживает ряд авторов. Согласно другой гипотезе, выдвинутой в последнее время, любовником царицы был Федор Шакловитый. Союз же с Голицыным был чисто деловым – только через Голицына можно было эффективно контролировать Боярскую думу и государственное управление. В любом случае ни один из исследователей не сомневается в том, что у Софьи был любовник. – *Примеч. ред.*

сооружать каменные дома, и в его правление все новые общественные здания и мост через Москву-реку возводились из камня.

Но кремлевские театральные постановки, польские перчатки и даже новые каменные здания в Москве еще не означали подлинных преобразований русского общества. Годы шли, и чем дальше, тем больше властям приходилось довольствоваться лишь поддержанием порядка внутри страны, а смелые мечты Голицына оставались неосуществленными. Армия как будто улучшилась под началом офицеров-иностранцев, но испытания войной она не выдержала и потерпела позорное поражение. Покорение дальних сибирских земель приостановилось, так как все военные силы страны были брошены на войну с татарами. Российская торговля по-прежнему находилась в руках иностранцев, а об облегчении участи крепостных за пределами элегантной гостиной Голицына никто и не помышлял. «Населить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов в храбрецов» – все это как было фантазией, так фантазией и осталось⁴⁰.

Единственное крупное достижение регентства лежало в сфере внешней политики. С самого начала Софья и Голицын встали на путь мира со всеми соседями России. Большие пространства бывших русских земель находились тогда в чужих руках: шведам принадлежал южный берег Финского залива, поляки захватили Белоруссию и Литву. Но Софья с Голицыным решили не оспаривать этих завоеваний⁴¹. Поэтому, как только ее власть окончательно утвердилась, Софья разослала посольства в Стокгольм, Варшаву, Копенгаген и Вену, чтобы объявить о намерении России блюсти существующие границы и подтвердить все действующие договоры.

В Стокгольме король Карл XI был только рад услышать, что цари Иван и Петр не собираются отнимать прибалтийские территории, отошедшие к Швеции по заключенному с царем Алексеем в 1661 году Кардисскому договору. В Варшаве Софьино посольство встретилось с более трудными проблемами. Поляки и русские издавна враждовали. Они воевали уже два столетия, причем перевес в целом был на стороне поляков. Польские армии вторгались в глубь российских владений, польские войска заняли Кремль, польский царь даже сидел когда-то на русском престоле⁴². Самая последняя война тянулась двенадцать лет и завершилась перемирием, подписанным в 1667 году. По его условиям, царь Алексей отодвигал западные границы России до Смоленска и приобретал все украинские земли к востоку от Днепра. Ему также на два года предоставлялось право владеть Киевом, а по истечении двух лет город следовало возвратить Польше.

Это было невыполнимое обещание. Шли годы, перемирие длилось, но ни Алексей, ни вслед за ним Федор не в силах были отдать Киев. Киев слишком много значил как один из древнейших русских городов, столица Украины, центр православия. Вновь уступить его католической Польше было тяжело, больно, просто-напросто невыносимо. Поэтому на переговорах Москва увивала, спорила, тянула время, а поляки упорно не желали отказываться от своих претензий. Вот так обстояли дела, когда поступили мирные

⁴⁰ Не следует относиться пренебрежительно к внутренней политике правительства Софьи. Оно обеспечивало стабильность в стране, не перегружало население налогами, поощряло развитие торговли и промышленности. Благодаря спокойным 80-м гг. XVII в. русское общество накопило тот относительный запас прочности, который позволил ему долгое время выдерживать страшное напряжение петровских реформ. – *Примеч. ред.*

⁴¹ Оспаривать это было невозможно, так как Литва с Белоруссией поляками не захватывались, а издавна входили в состав Речи Посполитой. Другое дело Смоленск, который России удалось вернуть (после захвата поляками в годы Смуты начала XVII в.) только в 1654 году. – *Примеч. ред.*

⁴² Здесь допущена неточность. 4 февраля 1610 г. представители так называемого Тушинского лагеря – сторонники к тому времени бежавшего самозванца Лжедмитрия II – заключили с королем Сигизмундом под осажденным поляками Смоленском договор. Согласно ему, Россия признавала своим царем сына короля Владислава. Но в Москве у власти находился царь Василий Шуйский, после свержения которого Москва в августе того же года присягнула Владиславу. Но вступить на русский престол он не успел – началось мощное земское движение, приведшее на престол династию Романовых, власть у которой, ссылаясь на события 1610 г., еще долго оспаривал Владислав, ставший польским королем. – *Примеч. ред.*

предложения Софьи.

Однако к тому времени перед поляками возникла новая острая проблема. Польша и Австрия вели войну против Османской империи. В 1683 году, через год после восшествия Петра на престол, османское половодье в Европе достигло своей высшей отметки – турецкие армии осадили Вену. Войска христиан под командованием польского короля Яна Собеского одержали победу у стен города. Турки отступили вниз по Дунаю, однако война продолжалась, и Польша, как и Австрия, остро нуждалась в помощи России. В 1685 году поляков жестоко разбили турки, и следующей весной великолепное польское посольство в тысячу человек при полутора тысячах лошадей явилось в Москву в надежде заключить русско-польский союз. Голицын принимал послов по-царски; особые отряды стрельцов сопровождали их по улицам Москвы, высшая знать России давала пиры в их честь. После длительных переговоров каждая из сторон достигла своей цели, но и дорого за это заплатила.

Польша официально передавала Киев России⁴³, навек отрекаясь от претензий на великий город. Для России, для Софьи, для Голицына это был величайший триумф за весь период регентства царевны. Русские участники переговоров во главе с Голицыным удостоились щедрых восхвалений и даров, были пожалованы крестьянами и имениями; из собственных царских рук они получили драгоценные кубки. В Варшаве король Ян Собеский безутешно горевал при мысли, что навсегда лишается Киева, и когда он все-таки согласился на этот договор, слезы хлынули у него из глаз. Но и Россия заплатила за этот триумф: Софья обязалась объявить войну Османской империи и нанести удар вассалу султана, крымскому хану. Впервые в русской истории Москва вступила в коалицию европейских держав для борьбы с общим врагом⁴⁴. Война с турками означала резкую перемену во внешней политике России. До этих пор султаны и цари никогда не сталкивались друг с другом. Москву с Константинополем связывала такая дружба, что русские послы в Высокой Порте (великолепном здании, где размещалось ведомство главного султанского министра, великого визиря) всегда пользовались большим уважением, чем представители других держав. А Османская империя все еще оставалась одной из динамичных мировых сил. Хотя великого визиря Кара Мустафу отбросили от Вены и его янычары отступили вниз по Дунаю, но владения султана были так обширны, а армия столь велика, что Софья не испытывала ни малейшей охоты бросать ему вызов. Прежде чем они с Голицыным решились подписать договор, они не раз призывали генерала Гордона и выспрашивали его мнение о состоянии российской армии и о масштабах военного риска. Многоопытный шотландский воин отвечал, что полагает момент удачным для начала войны.

От Софьи и Голицына ждали нападения не на самих турок, а на их вассалов, крымских татар. Страх русских перед ними имел глубокие корни. Год за годом татарские всадники выступали из своей крымской твердыни и скакали на север, через украинские степи: малыми отрядами или целыми полчищами обрушивались они на казачьи поселения и русские города, чтобы разорять и грабить. В 1662 году татары захватили город Путивль и угнали в рабство все двадцать тысяч его жителей. К концу XVII века русские рабы переполняли османские невольничьи рынки. Русские гребцы были прикованы к галерам в каждом порту Восточного Средиземноморья. Султан всегда благосклонно принимал в дар от крымского хана русских мальчиков. Словом, русские рабы на Востоке были так многочисленны, что там с насмешкой спрашивали, остались ли еще жители в России.

Казалось, нет способа прекратить эти опустошительные татарские набеги. Слишком велика была протяженность границы, слишком скудны силы охранявших ее отрядов. Нельзя

⁴³ За 100 тыс. рублей. – *Примеч. ред.*

⁴⁴ Важно отметить, что причина этой первой войны России с Турцией заключалась отнюдь не в достижении одной из двух главных целей, обыкновенно приписываемых русской экспансии в этом регионе. За ней не стояло стремление приобрести незамерзающий порт, и она не являлась крестовым походом ради освобождения Константинополя от неверных. Это скорее была война, в которую Россия вступила против воли, выполняя тягостное для себя обязательство договора с Польшей. Фактически Россия впервые атаковала Турцию не затем, чтобы получить Константинополь, но чтобы добиться неоспоримых прав на Киев.

было предвидеть заранее, где именно татары совершат свой набег, и потому никак не удавалось их перехватить. Униженный царь принужден был выплачивать хану ежегодную сумму откупных денег, которую хан именовал данью, а русские предпочитали называть подарками. Но набеги от этого не прекращались.

Правда, Москва была далеко, и потому из столицы татарские набеги казались не столь угрожающими, сколь досаждающими, но, так или иначе, они наносили ущерб национальному достоинству. Выполняя условия договора с Польшей, Москва могла попытаться в корне пресечь набеги. Но, вопреки оптимизму Гордона, кампания предстояла нелегкая. Бахчисарай, столицу хана в Крымских горах, отделяла от Москвы тысяча миль. Чтобы добраться туда, армии пришлось бы по пути на юг пересечь всю ширь украинских степей, преодолеть Перекопский перешеек при входе на полуостров и пройти пустынным Северным Крымом. Многие бояре, которым полагалось служить воеводами в армии, без воодушевления встретили весть о предстоящем походе. Некоторые с подозрением относились к договору с Польшей, предпочитая если уж воевать, то не на стороне поляков, а против них. Другие боялись долгого, опасного похода. Наконец, немало было таких, кто выступал против Крымской кампании просто потому, что затевал ее Голицын. Князья Борис Долгорукий и Юрий Щербатов грозились явиться на военную службу вместе со своими людьми, с ног до головы одетыми в черное, в знак протеста против договора, кампании и самого Голицына.

И все же в течение осени и зимы Россия мобилизовала армию. Набрали рекрутов, взыскали специальные налоги, собрали тысячи лошадей, быков, повозок. К своему прискорбию, во главе этой экспедиции очутился не кто иной, как сам Василий Голицын. Князь располагал кое-каким боевым опытом, но считал себя преимущественно государственным деятелем, а не военачальником. Он предпочел бы оставаться в Москве, контролировать управление государством и присматривать за своими многочисленными врагами. Но его противники громко доказывали: кто обязался по договору напасть на татар, тот пусть и ведет войско в поход. Голицын попался; делать было нечего, пришлось соглашаться.

В мае 1687 года стотысячная русская армия выступила на юг через Орел и Полтаву. Голицын шел осторожно, опасаясь, как бы летучая татарская конница, зайдя в тыл его колоннам, не нанесла удара. 13 июня он встал лагерем в низовьях Днепра, не дойдя полтора миль до Перекопа, а никакого сопротивления со стороны татар все не было, не показывались даже ханские разведчики. Но люди Голицына заметили кое-что похуже: дым вдоль горизонта. Татары жгли степь, чтобы лишиться корма лошадей и волов в русском лагере. Огонь приближался по высокой траве, оставляя за собой почернелую, дотлевающую стерню. Временами огонь подходил вплотную к колоннам, окутывая дымом людей и животных и грозя подпалить громоздкий обоз. Терпя такие мучения, русская армия ползла на юг, пока в шестидесяти милях от Перекопа Голицын не решил остановиться. Армия повернула назад. Сквозь июльский и августовский зной и пыль, не находя ни продовольствия, ни фуража, солдаты брели домой. Тем не менее в донесениях в Москву Голицын так описывал поход, что он казался вполне успешным. Хан, сообщил он, так уstraшен приближением русской армии, что поспешно скрылся в своем убежище в горных твердых горах Крыма.

Голицын вернулся в Москву поздно вечером 14 сентября, и встречали его как героя. На следующее утро он был допущен к руке правительницы и царей. Софья издала указ, в котором провозглашалась победа, а ее фавориту расточались похвалы и награды. На него хлынул поток новых милостей – поместья и деньги, а его офицеры получили небольшие золотые медали с изображениями Софьи, Петра и Ивана. На самом же деле Голицын пропутешествовал четыре месяца, потерял 45 000 человек и вернулся в Москву не только не сразившись с главными силами татар, но даже в глаза их не видав.

В столицах союзников России быстро разобрались в истинном положении дел, и это вызвало там гнев и презрение. Так сложилось, что в том 1687 году поляки не добились особых успехов, но австрийцам и венецианцам повезло больше, и они изгнали турок из

стратегически важных городов и крепостей в Венгрии и на Эгейском побережье. В следующем, 1688 году Россия вообще не предпринимала выступлений против общего врага, и положение ее союзников ухудшилось. Мощные силы турок собирались напасть на Польшу, а тем временем французский король Людовик XIV атаковал империю Габсбургов с тыла, из Германии. Перед лицом этих новых угроз и король Ян Собеский, и император Леопольд рассматривали возможность примирения с турками. Наконец решили продолжать войну лишь в том случае, если Россия исполнит свои обязательства и возобновит поход на Крым.

Софья с Голицыным хоть сейчас сами вышли бы из войны, если бы им позволили сохранить Киев. Но нельзя было допустить, чтобы союзники умыли руки и оставили Россию одну против всей мощи Османской империи. Поэтому они нехотя примирились с необходимостью снаряжать новый поход на Крым. Весной 1688 года крымский хан, со своей стороны, дал повод русским начать против него военные действия. Он смертоносным ураганом промчался по Украине, – хорошо еще, Киев и Полтава уцелели! – и почти дошел до Карпат. Когда он осенью возвращался в Крым, за его всадниками гнали шестидесятитысячный полон.

Вынужденный продолжать войну, Голицын объявил, что выступает во второй крымский поход и согласится на мир лишь после того, как все Черноморское побережье отойдет к России, а Крым полностью очистится от татар, которые будут выдворены на противоположный берег Черного моря, в турецкую Анатолию. Это заявление, до нелепости самонадеянное, говорит об отчаянном положении самого Голицына. Теперь ему было просто необходимо одолеть татар, чтобы избавить себя от нападков политических противников и личных врагов в Москве. Незадолго до второго похода произошло неудачное покушение на жизнь Голицына, а буквально накануне отъезда он обнаружил возле двери гроб с запиской, гласившей, что, если новый поход окажется не удачнее первого, этот гроб станет его домом.

Новая кампания должна была начаться раньше, чем прежняя, – «пока лед не вскрылся». Войска стали собираться в декабре, а в начале марта Голицын двинулся на юг со 112 000 солдат при 450 пушках. Через месяц он доносил Софье, что продвижению препятствуют снега и суровые холода, затем – разлившиеся реки, сломанные мосты и густая грязь. У реки Самары к войску присоединился украинский гетман Мазепа с 16 000 конницы. Снова путь преграждали степные пожары, но на сей раз не столь серьезные: Голицын заранее выслал своих людей пустить пал, чтобы к подходу основных сил из-под земли уже показалась нежная молодая травка.

В середине мая, на подступах к Перекопу, откуда ни возьмись налетела десятитысячная орда татарской конницы и атаковала Казанский полк, которым командовал Борис Шереметев, будущий фельдмаршал. Застигнутые врасплох, русские дрогнули и побежали. Татары помчались к обозу, но Голицыну удалось построить артиллерию в линию и отбить приступ пушечным огнем. На другой день, 16 мая, под проливным дождем, новая татарская атака обрушилась на голицынский тыл. Опять артиллерии удалось отразить нападавших. Но с этого дня русская армия постоянно двигалась в виду грозного татарского сопровождения, маячившего на горизонте.

30 мая русские войска подошли к земляному валу в четыре мили длиной, который тянулся поперек Перекопского перешейка. Позади глубокого рва высился сам вал, а вдоль него в линию стояли пушки и татарские воины. Еще дальше виднелась укрепленная цитадель, где находилась остальная часть ханской армии. Голицын не был настроен штурмовать: его солдаты устали, питьевой воды оставалось мало, не было необходимого осадного оборудования. И пока его утомленная армия стояла лагерем возле вала, он попробовал пустить в ход свой дипломатический талант, вступив в переговоры. Его условия были куда легче тех, что он провозглашал в Москве. Теперь он хотел только, чтобы татары пообещали не нападать на Украину и Польшу, перестали требовать дань у России и отпустили русских пленников. Хан, чувствуя свою силу, ответил отказом на первые два требования, а на третье сказал, что многие русские пленники уже на воле, но они «приняли магометанскую веру». Голицын, не достигнув соглашения и не решаясь на штурм, счел за

лучшее снова отступить.

Опять в Москву отсылались донесения о блестящих победах, опять Софья верила им и прославляла возвращавшегося полководца-победителя, покорителя и татар, и ее сердца. Ее письма Голицыну написаны не столько правительницей, приветствующей одного из своих генералов, сколько женщиной, со слезами молящей возлюбленного поспешить домой: «О моя радость, свет очей моих, мне не верится, сердце мое! чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне тот день был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои, врученные Богу, к нам все дошли в целости, из-под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженского, только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла, идучи!...»

Тем временем армия пробивалась к дому. Франц Лефорт, швейцарский офицер на русской службе, писал своей семье в Женеву, что потери в этой кампании составили 35 000 человек, «20 000 убитыми и 15 000 пленными. Кроме того, бросили семьдесят пушек и все боеприпасы».

Невзирая на потери, Софья опять встречала своего любовника как героя-победителя. Когда Голицын 8 июля прибыл в Москву, она нарушила протокол и приветствовала его не в Кремлевском дворце, а у городских ворот. Они вместе въехали в Кремль, и там Голицына принимали и благодарили при народе царь Иван и патриарх. По приказу Софьи в московских церквях отслужили благодарственные молебны в ознаменование благополучного и победоносного возвращения русского воинства. Через две недели объявили и о наградах; Голицыну жаловали вотчину в Суздале, большую сумму денег, золотой кубок и кафтан из золотой парчи, подбитый соболями. Другие офицеры, русские и иностранцы, получили серебряные кубки, доплату к жалованью, соболи мех и золотые медали.

Радость этих празднеств омрачало только одно: открытое неодобрение Петра. Он сразу отказался принимать «победу» фаворита за чистую монету и не пожелал чествовать вернувшегося «героя» в Кремле вместе с Иваном и патриархом. Целую неделю он не давал согласия на награждения. Когда же его наконец вынудили согласиться, он не мог сдерживать раздражения. Этикет требовал, чтобы Голицын отправился в Преображенское благодарить царя за щедрость. Князь явился, но Петр его не принял. Это было даже не оскорбление – это был вызов.

В своем дневнике Гордон описывал нараставшее напряжение: «Все ясно видели и понимали, что согласие молодого царя получено с величайшим трудом и что это лишь еще больше возбудило его против главнокомандующего и самых видных членов противоположной партии при дворе; ибо теперь стало очевидно, что открытый разрыв неизбежен... Тем временем все это старались держать в секрете в знатных домах, но не настолько тщательно и умело, чтобы всем не стало известно, что происходит».

Объявление второго похода против татар подняло новую волну негодования в непрестанно множавшихся рядах противников Софьиной власти. Уже назрело подспудное недовольство ее правлением, а ее фаворит Голицын, и вообще-то непопулярный (ему не могли простить пристрастия к западному стилю жизни взамен исконно русских обычаев), теперь к тому же был отмечен клеймом неудачливого полководца. Конечно, победа над татарами смягчила бы противоречия, но не все, ибо время не стояло на месте и в игру вступила новая сила – мужавший Петр.

Рассудив, что не за горами час, когда этот энергичный молодой царь сможет взять на себя более существенную роль в государственном управлении, партия бояр, сосредоточившихся вокруг Петра и Натальи в Преображенском, начала показывать зубы. К ней принадлежали некоторые из самых славных имен России: Урусов, Долгорукий, Шереметев, Ромодановский, Троекуров, Стрешнев, Прозоровский, Головкин и Львов, не говоря уже о семьях матери и жены Петра, Нарышкиных и Лопухиных. Именно эта боярская партия, как ее называли, и настаивала на том, чтобы Голицын, раз уж он заключил договор с Польшей, самолично и возглавил войска во втором походе на Крым.

В защите от подстерегавших его врагов Голицын мог опереться на единственного союзника – Федора Шакловитого. Отношение этого самого решительного и жестокого из Софьиных советников к враждебной боярской партии, как и ко всем боярам вообще, было очевидно: он ненавидел их, и они платили тем же. Начиная с 1687 года, когда он в присутствии стрельцов обмолвился, что бояре – это «зяблое, упалое дерево», Голицын делал все возможное, чтобы возбудить в солдатах ненависть к знати. Яснее всех других приверженцев Софьи он видел, что, стоит Петру достигнуть зрелости, с боярской партией будет уже не сладить. Расправляться с ними, твердил он, надобно немедленно.

Едва сам Голицын выступил с войском на юг, на страже его интересов никого, кроме Шакловитого, не осталось. И бояре зашевелились. Один из Нарышкиных получил боярский чин; старого врага Голицына, князя Михаила Черкасского, назначили на важную должность. Голицын слал Шакловитому из степей жалобные просьбы о помощи: «Паки челом бью и желаю впредь от тебя слышать всего доброго, у меня только надежи, что ты... Пожалуй, отпиши, нет каких дьявольских препон от тех [бояр]!.. Для Бога смотри недреманным оком [за] Черкасским».

Открытый выпад, который Петр позволил себе в отношении ее любовника, поразил, разгневал и встревожил правительницу. Это был первый прямой демарш против ее власти, первый явственный признак того, что молодой царь нарышкинского рода не станет делать, не рассуждая, что она велит. Та истина, что Петр уже не мальчик, что он вырастет и в один прекрасный день достигнет совершеннолетия и тогда регентство станет излишним, была очевидна для каждого. Софья насмеялась над юношескими военными потехами Петра и над фантазией строить парусные лодки, но иностранные наблюдатели, чьи правительства требовали объективных прогнозов будущего России, внимательно следили за тем, что делалось в Преображенском. Барон ван Келлер, голландский резидент, писал в Гаагу, восхваляя Петра – его манеру держаться, способности и огромную популярность: «Юный Петр ростом выше всех придворных и привлекает всеобщее внимание. Здесь превозносят его ум, широту взглядов, физическое развитие. Говорят, что скоро его допустят к самостоятельному правлению, и тогда дела непременно примут совершенно иной оборот».

Софья не пыталась как-то сдерживать сводного брата или ограничивать его свободу. Она была поглощена государственными делами и, не видя в мальчике и его матери угрозы своей власти, попросту не обращала на них внимания. Когда Петру исполнилось двенадцать, она подарила ему набор пуговиц и бриллиантовых пряжек. Потом он стал старше, и она не противилась его просьбам о присылке из арсенала настоящих пищалей и пушек для военных игр, до жути похожих на настоящую войну. Оружие шло непрерывным потоком, но Софья этого не замечала. В январе 1689 года Петру впервые позволили присутствовать на заседании Боярской думы. Нудные обсуждения нагнали на него скуку, и он не часто там появлялся. Но в глубине души Софья чувствовала, как постепенно зреет угроза, и это ее беспокоило. Пробыв семь лет у власти, она не только привыкла к ней, но уже и не представляла, как можно с ней расстаться. Правда, Софья отлично сознавала, что она всего лишь женщина и что в любом случае регентство – явление временное. Поэтому, если ее официальный статус не удастся как-нибудь изменить, ей придется отойти в сторону, как только братья достигнут совершеннолетия. Эта минута с каждым днем приближалась. Иван уже имел свою семью, жену и дочерей, но, конечно, загвоздка была не в нем. Он бы не только согласился, он просто мечтал, чтобы кто-нибудь снял с его плеч бремя власти. Но вот теперь и Петр вступал в зрелый возраст, что явственно доказала его женитьба на Евдокии Лопухиной. Положение Софьи стало мучительным; если ничего не предпринять, неизбежно наступит кризис, который кончится ее низложением.

В сущности, Софья уже приняла некоторые меры, чтобы укрепить свои позиции; пыталась принять и другие, но ей не дали. Три года назад, в 1686 году, заключив мирный договор с Польшей, она воспользовалась всеобщим одобрением своей политики, чтобы присвоить себе титул самодержицы, полагавшийся лишь царям. С тех пор этот титул прибавляли к ее имени во всех официальных документах и на всех торжественных

церемониях, что ставило ее вровень с братьями, Иваном и Петром. Тем не менее все знали, что Софья им не ровня, потому что, в отличие от братьев, она не была коронована. Но Софья надеялась, что ей удастся проделать и это. Летом 1687 года она велела Шакловитому разузнать, поддержат ли ее стрельцы, если она решит короноваться в случае великой победы Голицына над крымским ханом. Шакловитый поручение выполнил – он подстрекал стрельцов обратиться к юным царям с просьбой разрешить коронацию их сестры. Однако стрельцы, смотревшие на вещи по старинке, воспротивились, так что план пришлось на время отложить. Но о нем не забыли, что подтвердилось появлением портрета Софьи, который повергал зрителя в изумление. Польский художник изобразил регентшу сидящей без братьев, в шапке Мономаха, со скипетром и державой в руках – точно так, как писали обычно портреты царей. В подписи был приведен ее титул, где значилось, что она великая княжна и самодержица. Под портретом красовалось стихотворение в двадцать четыре строки, сочиненное монахом Сильвестром Медведевым, которое восхваляло царственные достоинства изображенной особы, а также содержало благоприятные для нее сравнения с Семирамидой, царицей Ассирийской, византийской императрицей Пульхерией и английской королевой Елизаветой I. Оттиски этого изображения на атласе, шелке и бумаге ходили по Москве, а часть их отправили в Голландию с тем, чтобы, переведя стихи на латынь и немецкий, портрет распространили по всей Европе.

Боярам – сторонникам Петра и его матери – было нестерпимо, что Софья присвоила себе царский титул, а появление ее портрета с царскими регалиями казалось зловещим. Они подозревали, что царевна намерена короноваться, обвенчаться со своим фаворитом, Василием Голицыным, а затем либо свергнуть обоих царей, либо избавиться от Петра – не одним способом, так другим. Что на самом деле было на уме у Софьи, никто сказать не может. Она уже достигла столь многого, что и вправду, наверное, мечтала о полномочном царствовании рука об руку с любимым. Однако нет свидетельств, что она собиралась сместить Петра, а Голицын, со своей стороны, проявлял крайнюю сдержанность в вопросе о брачных узах: существовала как-никак княгиня Голицына.

Единственным из приверженцев Софьи, кто не скрывал своих надежд и намерений, был Федор Шакловитый. Он непрестанно внушал ей, что необходимо сокрушить нарышкинскую партию, пока Петр не достиг совершеннолетия. Не раз он подстрекал стрельцов к убийству предводителей этой партии и даже, возможно, самой царицы Натальи. Но он своего не добился: Софья была не склонна к таким крутым мерам, а Голицын вообще избегал всякого насилия. Впрочем, горячая преданность Шакловитого тронула Софью. За те долгие недели, что Голицын провел вдали от Москвы в бесплодном втором походе на Крым, она, хотя и писала ему страстные письма, по всей вероятности, сделала Шакловитого на время своим любовником.

* * *

Конечно, со временем отношения Петра и Софьи и так должны были обостриться, но их столкновение ускорилося из-за провала второго крымского похода. Пока правление Софьи шло успешно, одолеть ее было трудно, но две кампании Голицына обернулись не просто военным поражением: они привлекли внимание к любовной связи регентши и командующего, и Софьины враги получили вполне определенный повод, чтобы нанести удар.

Сам Петр никак не участвовал ни в заключении договора с Польшей, ни в походах на татар, но его глубоко интересовали военные дела, а как всякий русский, он страстно желал положить конец татарским набегам на Украину. Поэтому он с волнением следил за ходом военных кампаний Голицына. Когда в июне 1689 года Голицын возвратился из второго неудачного похода, Петр был вне себя от возмущения. 18 июня произошла стычка, которая ярко высветила обостряющееся противостояние сторон. На празднике в честь чудесного явления иконы Казанской Божьей Матери Софья вошла в храм вместе с обоими братьями,

как делала каждый год. Когда служба закончилась, Петр, которому что-то прошептал один из его приближенных, подошел к Софье и потребовал, чтобы она покинула процессию. Это был прямой вызов, ведь если регентше запрещают идти вместе с царями, значит, ее власти настал конец. Софья поняла смысл требования и отказалась подчиниться. Вместо этого она собственноручно взяла икону у митрополита и, держа ее перед собой, заняла свое место и вызывающе зашагала дальше. Разъяренный, получивший отпор Петр немедленно оставил шествие и вернулся в деревню – супить брови и кипеть от злости⁴⁵.

Противостояние двух партий усиливалось; город полнился слухами, каждая из сторон боялась внезапного удара с другой стороны, причем обе были уверены, что лучшая линия поведения – это оборона. Никто не хотел лишиться морального превосходства, став зачинщиком столкновения. Формально у Петра не было оснований нападать на сводных сестру и брата, сидевших в Кремле. Они правили по соглашению о двоецарствии 1682 года; они никоим образом не нарушали условий этого соглашения и не ущемляли прав Петра. Точно так же и Софья не могла найти предлога, чтобы напасть на Петра в Преображенском, поскольку он был помазан на царство. Хотя стрельцы, побуждаемые Шакловитым, пожалуй, защитили бы ее в случае удара со стороны Нарышкиных и потешного войска Петра, однако уговорить их выступить на Преображенское против помазанника Божьего было бы куда труднее.

Все это не позволяло сторонам точно оценить собственные силы. Софья располагала огромным численным преимуществом – за нее стояло большинство стрельцов вместе с иностранными офицерами из Немецкой слободы. У Петра сторонников было мало – семья, его приближенные, потешное войско в 600 солдат; возможно, поддержку ему оказали бы стрельцы Сухарева полка. Но хотя с виду силы у Софьи было больше, в самой этой силе заключалась слабость: регентша не могла бы с уверенностью сказать, насколько далеко в действительности простирается преданность стрельцов. Поэтому горстка вооруженных сторонников Петра пугала ее сверх меры. Тем летом, куда бы ни отправилась Софья, ее постоянно окружал мощный отряд стрельцов-телохранителей. Она задаривала их деньгами и одолевала мольбами и увещеваниями: «И так беда была, да Бог сохранил; а ныне опять беду зачинает. Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны, мы оставим государство».

Пока Софья изо всех сил старалась удержаться на прежних позициях, Василий Голицын, герой Перекопа, хранил молчание, не желая ввязываться в открытую борьбу против Петра и примкнувших к нему бояр. Другой соратник и верный приверженец Софьи, Шакловитый, держался решительнее. Он часто появлялся среди стрельцов и открыто поносил сторонников Петра; имени самого Петра он не упоминал, но вел речь об устранении его ведущих сподвижников и о заключении царицы Натальи в монастырь.

Прошел июль, настал август, обстановка в Москве накалялась вместе с жарой. 31 июля Гордон записал в дневнике: «Пыл и раздражение делались беспрестанно больше и больше, и, казалось, они должны вскоре разрешиться окончательно». Через несколько дней он упоминал о «слухах, которые страшно передавать». В эти летние дни и ночи нервы у всех были на пределе – все ждали, что же будет. Казалось, что под ногами пороховой погреб, и любой слух мог обернуться искрой.

⁴⁵ Суть конфликта была в том, что частое появление Софьи с почитаемой православными иконой перед народом увеличивало ее популярность и это раздражало Петра и его свиту. – *Примеч. ред.*